

УДК 398.22(470.65)

ПИР ВО ВРЕМЯ ЛЮБВИ

Э.Т. Гутиева*

Э.Т. Гутиева

Аннотация. Проведенный текстологический анализ диалога Лукиана о дружбе и нартовского кадага о женитьбе нарта Сослана позволяет считать оба произведения эпическим отражением одних и тех же исторических событий, возможно, скифо-боспорского конфликта времен падения великой Скифии. Вывод делается на основании сопоставления совпадающих мотивов в обоих сюжетах героического сватовства, тогда как их существенные различия могут отражать различные стадии и культурные традиции эпической обработки исторического сюжета.

Ключевые слова: нартовские сказания, кадаг, типология героического сватовства, экзогамный брак, декапитация.

Произведение Лукиана Самосатского «Токсарид, или дружба» построено в форме «самого прекрасного и священного состязания», состязания-диалога, грека Мнесиппа со скифом Токсаридом\Токсарисом, где на суд выносятся вопрос, а скорее ответ, о превосходстве скифской дружбы над всеми другими видами дружбы, эллинской в том числе. В этом произведении замечательно все – и личность автора, и личности обоих повествователей, и удивительные события, посвященные великой дружбе. Каждый из рассказчиков должен был привести по пять примеров из истории своего народа. Из полученного таким образом количества самым значительным, монументальным, законченным, информативным и высокохудожественным является третий рассказ Токсариды, повествующий о сватовстве скифа Арсакома.

Рассказ столь поразительный, что грек Мнесипп, выслушав его, усомнился в его правдивости: «Очень уж это трагично, Токсарид, и похоже на миф» [1]. Хотя перед началом состязания недоверие, напротив, проявлял скифский участник, остерегавшийся фальсификации: «Нетрудно ведь выдумать подходящий пример, отрицать который будет невозможно. После твоей (Мнесипп) клятвы (Зевсу) я не смогу уже тебе не доверять». События же в его собственном рассказе, если и гиперболизированные желанием во что бы то ни стало победить в споре о дружбе («притом эллина»), описываются им как исторически достоверные. Токсарид клянется собеседнику «ветром и Акинаком, скифским Мечом. Я ничего тебе не поведаю, Мнесипп, ложного о скифских друзьях... мы клянемся Ветром, как виновником жизни, Мечом же – так как он приносит смерть». Кроме клятвы «отечественным богам» дополнительными аргументами, вызывающими доверие, призваны служить надежность свидетельства «из первых уст» – события недавние и происходили

с соотечественниками, лично знакомыми состоящимся: «оставим в покое древних друзей... Лучше расскажем о друзьях, которых встречали мы сами: я – среди скифов, ты – между эллинов, и опишем их дела».

Учеными выводы о достоверности излагаемых Лукианом событий делаются независимо от применяемых автором повествовательных и риторических приемов, и если Мнесипп склонен считать этот рассказ Токсариды историзацией мифа, то более верным представляется классифицировать его как мифологизацию истории, проявляющуюся в естественных для сказаний нарушении исторической перспективы и смешении разновременных пластов, одномерности суждения о политических процессах, в протезизме героев, гиперболизации их способностей, дающих простор для их неограниченной идеализации.

Данный фрагмент работы знаменитого греческого писателя давно стал предметом серьезного внимания исследователей как источник данных о расселении, истории, этнографии и этике скифо-аланских племен. С исторической точки зрения, это эпическое полотно о крупном военном конфликте между скифами с одной стороны, и политическим альянсом боспорцев, сарматов, аланов с другой. Хронологически данные события не могут относиться ко времени жизни Токсариды, которого Лукиан назначил современником двух из семи мудрецов Греции, Анахарсиса и Солона (первая половина VI века до н. э.). Политическая расстановка сил ближе к временам правления возможного исторического прототипа боспорского царя Левкона II (240–220 гг. до н. э.), а многие «детали быта – как, скажем, и упоминания лазов, махлиев, аланов, – принадлежат скорее первым векам нашей эры» [2: 157].

По мнению С. Алексеева, признающего осведомленность автора о жизни скифов первых

* Гутиева Эльмира Тамерлановна – научный сотрудник СОИГСИ (gutieva@list.ru).

веков нашей эры, «перед нами, несомненно, обобщенно-эпическое преломление подлинных событий», времен общего кризиса Великой Скифии [2: 157]. В.А. Тихонов констатировал преодоление гиперкритического отношения к данному произведению, являющемуся серьезным источником по истории античного Боспора Киммерийского [3]. Произведение Лукиана рассматривается в контексте сведений античных авторов о скифах, аланах и приведено в компилятивном труде А. Алеманя [4]. Т.А. Габуев исследует рассказ в связи с локализацией алан во II веке н. э. [5]. Ф.Ч. Гутнов рассматривает талант Арсакома как военного предводителя на этапе формирования военной аристократии [6].

В своем диалоге Лукиан приводит информацию о письменности, об образовании, об изобразительном искусстве у скифов.

Помимо этого в рассказе содержатся данные о политических альянсах и дипломатическом протоколе кочевников, о тактике конного боя, вооружении, обычаях побратимства, о скифской ономастике, ценностным ориентациям, а также о специфике этнического характера, выработанной привычкой побеждать, **особенно невариативной из которых, узнаваемой и сегодня является заявлять о своем превосходстве** (и Токсарид в споре, и Арсаком в любви) и настаивать на нем, заранее объявляя себя победителем.

Фабульная основа рассказа – подвиги, совершенные тремя скифами во имя аксиологического абсолюта – беззаветной дружбы и преданности. Арсаком, сын Марианта, безуспешно сватается к Мазае, дочери боспорского правителя. Законность своих притязаний он обосновывает не богатством и знатностью, а наличием двух настоящих друзей. Униженный отказом Левканора Арсаком посчитал высмеянным не только себя, но и своих друзей, Меканта и Лоханта (Лонхата). Впоследствии с их помощью развязывается широкомасштабная война, побеждается противник, жестоко убивается обидчик-тесть, добывается искамая невеста.

Представляется, что в данном тексте мифологизированы не собственно события, а искажены причинно-следственные отношения, что приводит к первичности коллизии сватовства над коллизиями политическими: женитьба становится поводом, а не результатом политического конфликта, закончившегося военной победой скифов и прямыми выгодами, полученными ими при заключении мира. Подобно этому, «в славянском эпосе походы за невестой в некоторых эпических песнях перерастают в походы против исторических врагов ранних славянских государств» [7].

Традиционно для сказителей, кем в данном контексте выступает скиф Токсарид, рассматривать эпические войны как элементы героической биографии, т. к. их количество и масштабность являются возможностью проявления героями своего физического и военного превосходства. Формула «Героическое время рождает героических людей» аксиоматична. Тогда же рождается героический эпос.

Описанное Лукианом макрособытие с участием скифов, сарматов, аланов должно было пройти эпическую селекцию и могло остаться запечатленным в народной памяти. В таком случае закономерно возникает вопрос об отражении и в нартовском эпосе такого резонансного сватовства, переросшего в серьезное противостояние с участием многотысячных континентов. Но опознать данные исторические события по описанию военных походов в нартовских кадагах невозможно, все битвы там достаточно схематично пересказываются, что делает их неотличимыми в череде эпических героических будней. Конфликты интересов внутри скифо-сармато-аланского мира часто приводили к военным стычкам, не отсюда ли «нормальное» истребление нартами друг друга.

Естественно, эпические рассказы – не стенограмма исторического события. Напротив, исторические приметы в них стираются, творчески зашифровываются и не поддаются рациональной расшифровке. «Эпос – это история в народной памяти в предвзятой идеализации, но его предвзятость поэтическая» [8: 260]. Следует ожидать, что в сказаниях, в соответствии с законами «поэтической предвзятости», акценты должны быть переставлены, историческая реальность переосмыслена.

Гораздо более продуктивным, чем поиск «подходящих» военных кампаний, может оказаться сопоставление событий, предшествовавших войне.

В эпосе, в соответствии с принципом римского поэта Ювенала, что «едва ли найдется тяжба, в которой причиной ссоры не была бы женщина», более известного во французской редакции А. Дюма *cherchez la femme*, источником серьезного военного противостояния становится женщина, сколь прекрасная, столь и иноземная. И в Нартовских кадагах, обладающих различной хронологической глубиной, поиск невесты или похищение жены закономерно перерастают в войну. Конфликт между соперниками из-за любви, а скорее за право обладания женщиной, решается на театре военных действий.

Героическое сватовство «наряду с борьбой с чудовищами и кровной мстью является основ-

ными темами эпоса» [9: 399]. Изучение сюжетов сватовства, по мнению Б.Н. Путилова, может во многом «способствовать уяснению ряда проблем генезиса и исторического развития народного эпоса, раскрытию многих загадок эпического творчества и выявлению сложных связей этого творчества с действительностью» [7].

Типичное для всех мифологических систем героическое сватовство и в нартовских сказаниях занимает существенное место, как обязательная сюжетная коллизия биографии героя. В этой связи хотелось бы остановиться на одном из кадагов о нарте Сослане. Многократность матримонийных адвентюр этого героя наводит на мысль о полигамии, да и сам он, когда ему предлагаются в жены сразу три дочери черта, отговаривается от предложенной ему «чести», что уже есть у него три жены на родине. В таком случае эпизоды его сватовства – результат линейной эпической циклизации, выстраивание его собственной героической биографии. Либо имеет место циклизация концентрическая, и рекуррентность темы его жениховства является следствием протеистического приписывания одному (наиболее подходящему в женихи?) герою приключившегося с разными персонажами.

Типология героического сватовства сводима к следующей схеме: а) нестерпимое желание героя вступить в экзогамный брак, б) усиливаемое неопикуемой красотой его избранницы, в) преодоление непреодолимых трудностей, результат которых г) заслуженное\выстраданное воссоединение с суженой.

Повествование Токсариды, заявленного как рассказ о дружбе, начинается с типовой экспозиции героического сватовства: «Арсакком влюбился в Мазаю, дочь Левканора, царствовавшего на Боспоре». Слишком сказочный зачин для подлинно исторического рассказа, созвучный традициям устного народного творчества, мог насторожить скептически настроенного слушателя (Мнесиппа). Так же начинается и кадаг: «Понравилась нарту Сослану прекрасная Бедоха, дочь Челахсартага» [10].

Значимым представляется то, что сравнение ключевых эпизодов в рассказе Лукиана об Арсакомме и в кадаге о женитьбе Сослана-Сосрыко на дочери Челахсартага обнаруживает сходство целого ряда отдельных мотивов. Среди таких простейших одночленных, в терминах А.Н. Веселовского, повествовательных единиц – пир и сватовство на пиру; мотив чаши во время соперничества; несправедливый, с точки зрения героя, отказ тестя; несправедливость отказа как основание и моральное оправдание последующей жестокой расправы над тестем: его дека-

питация; всеобщая мобилизация и широкомаштабная военная кампания.

Несомненно, что оба сюжета организованы столь сложной многочленной комбинацией достаточно большого числа простейших единиц, что содержат много мотивов, которые можно обсуждать и в терминах различия. Тем не менее нам представляется, что достаточно высокое количество совпадений, аналогий и параллелей сюжетобразующих мотивов не является следствием случайного совпадения, не вызвано оно также культурной диффузией и миграцией сюжета, а, напротив, обусловлено тем, что рассказ Лукиана и нартовский кадаг являются вариантами эпического отражения одних и тех же реальных событий, зафиксированных на разных стадиях исторического развития этноса его эпосом.

Нартовский кадаг можно считать результатом процесса, когда «обобщения, добытые народным творчеством на ранних этапах, входят в контакт с новыми фактами и типовыми явлениями народной жизни, происходит синтез старых художественных моделей с новым историко-бытовым материалом, с новым историческим опытом и комплексом народных идеалов, и синтез этот является одним из необходимых условий продолжения эпического творчества и создания новых монументальных эпических обобщений» (7).

ПИР

О сакральности пира, о его значимости в системе коммуникации, о его важности как средства социальных связей, о его практической полезности для социума в очень давнем и просто давнем прошлом свидетельствует частотность, регулярность и масштабность эпических пиров. «Совместное поглощение пищи и напитков имело в сознании людей глубокий общественный, религиозный и моральный смысл; между сотрапезниками устанавливались дружественные связи, изглаживалась вражда» (11). Имел он значение и как средство демонстрации внешнеполитического влияния и внутриэкономической стабильности.

У Токсариды вначале формальным поводом для пира было объявлено урегулирование политических проблем: «Вопрос о дани был уже разрешен, царь дал ему (Арсаккому) ответ и, отправляя его обратно, устроил пир». Но сразу, с простительной эпической алогичностью, проявляющейся в деталях, выясняется, что на пиру с очевидной неслучайностью «присутствовало тогда много женихов – царей и царских сы-

новой», т. е. это не было монофункциональным мероприятием.

У скандинавов «на пирах заключались имущественные и брачные сделки; формальное вступление в права наследника совершалось во время пира; пир сопровождал примирение враждующих, «введение в род» незаконнорожденного сына» (11).

А боспорцам Токсарид приписывает традиции жениховства на пиру: «На Боспоре в обычае, чтобы женихи просили руки девиц во время пира и рассказывали, кто они такие и почему считают себя достойными свататься». Т. е. скиф Арсаком в чужой стране вынужденно присоединяется к обычаю другого народа.

Но и героическое сватовство Сослана начинается на пиру, хотя Токсаридом имплицитно, что сватовство на пиру как «на Боспоре» не типично для скифов. И, возможно, именно в силу беспрецедентности такого события для нартов подчеркивается непреднамеренность происходящего, и сватовство представлено как результат спора возникшего между Сосланом и Челахсартагом в разгар пира.

Сословный состав пирующих очень важен, и не только у боспорцев. Так, в сказании «О женьтибе князя Владимира»: «Много на пиру было князей и бояр и русских могучих богатырей...». А в нартовских сказаниях значимость пира, большого пира, подчеркивается его общенародностью и возглавлявшими его персонажами: «Весь нартовый народ собрался на этот пир. В обширном хадзаре рода Алагата уселись рядами все нарты.

Урызмаг сидел во главе одного ряда столов, Хамыц – во главе другого, во главе третьего ряда сидел нарты Сырдон.

Был приглашен на этот пир и сын Хиза – Челахсартаг.

Ели и пили нарты на торжественном пире рода Алагата. Волнами перекачивались здравницы от старших к младшим».

Сам этот пир, устроенный одним из нартовских родов Алагата, является одним из самых известных сюжетов осетинской Нартиады, обретшим самостоятельную жизнь в искусстве – пир нартов и танец Сослана.

Но значение пира обычно подчеркивается и важностью повода: пир по случаю рождения близнецов у Уархага, пир у Уырызмага для накормления нартов во время голода. Однако в этот раз нарушается негласный закон и не объявляется, чем вызвано торжество.

Но, может быть, в кадаге сознательно старательно замалчивается повод столь масштабного и столь подробно описанного сказителями

пира, а Токсарид, в свою очередь, неслучайно «путается в своих показаниях». Вероятно, и в том, и в другом случае это был «обычный» свадебный пир с «князьями и боярами», и когда Арсаком увидел свою суженую, судьба высокой и красивой Мазаи уже была решена ее отцом. В таком случае он позарился на чужую невесту, факт который Токсарид пытается дезавуировать, придумав в оправдание герою новый обряд боспорского пира. Отказ тестя мог быть мотивированным не бедностью сватающегося скифа, а предшествующими договоренностями, нарушение которых могло быть чревато политическими осложнениями.

ЧАША

Помимо пира основанием для сравнения двух историй является выходящий на первый план мотив чаши. У Лукиана: «Когда пир окончится, следовало попросить чашу и, совершив возлияние на стол, сватать девицу, усердно выхваляя себя самого, свое происхождение, богатство и имущество». И у нартов: «Когда сел он (Сослан) на свое место, хозяева пира Алагата внесли до краев наполненную ронгом большую почетную чашу Уацамонга. За четыре ручки подерживали они эту чашу».

В обоих случаях сватающийся герой не проливает ни капли из чаши. «Многие, согласно обычаю, совершали возлияние и просили руки царской дочери, перечисляя свои царства и сокровища. Последним попросил чашу Арсаком, но возлияния делать не стал (у нас не в обычае проливать вино: это считается нечестием по отношению к богу)».

И если скиф Арсаком осушает залпом свою чашу, чтобы не совершать святотатства во время произнесения самовосхвалительной речи, то нарты Сослану не пролить ничего, танцую между чаш, а потом и с чашей на голове, помогает непревзойденное искусство танца: «Поставил Сослан себе на голову чашу Уацамонга и пошел плясать. Еще лучше, чем первый раз, плясал он, и ни капли ронга не перелилось через край чаши. Ну, как было не удивляться такой пляске?»

Можно в данном контексте противопоставлять танец и самовосхваление, но можно сопоставлять мотив непролития ни капли из чаши сватающимся героем.

ОТКАЗ

Героям приходится испытать унижение отказом. Арсаком был высмеян «за свою будто бы бедность», за то, что мерил свои достоинства

надежностью друзей: «Сколько же у тебя имеется скота и повозок, Арсаком? Ведь ваше богатство состоит в этом». – «Нет у меня ни повозок, – возразил Арсаком, – ни стад, но есть у меня двое доблестных друзей, каких нет ни у кого из скифов». В диалоге есть намек, почему этот конфликт перейдет в межэтническую форму, ведь в вопросе Левканора уже есть насмешка над небогатостью скифов вообще, а не только отдельно взятого жениха.

Несомненно, статус Арсакома на пиру у Левканора сопоставим с третьей категорией гостей у Владимира. Оценка его, доблестного героя, в боспорском политическом пространстве, видимо, не совпала, с его самооценкой и ролью, которую он играл в скифском обществе. Его подвела самонадеянность доверенного лица скифского царя, не ожидавшего, что боспорский царь, который «вообще всегда дрожал перед скифами», посмеет отказать ему. Именно в момент своего неудачного сватовства он оказывается в надире, неспособный предложить привлекательный для тестя выкуп за невесту.

На пир Арсаком прибывает послом за данью – в должности, достаточно ответственной у всех народов. Почтенный посол у Фирдоуси – «муж доблестный, знатный», не чурался этой роли и царственные отпрыски, например, сын турецкого султана Калимат. Выполнение этой миссии чревато смертельными опасностями, и от самого известного принца мировой литературы Гамлета его родственники хотят избавиться, в связи с чем он «сейчас поедет потребовать запущенную дань от Англии».

Уже после пира ожесточенный обидой и, кажется, все еще влюбленный Арсаком становится крупным военачальником, вождем. Но на самом пиру, устроенном в его честь, Арсаком оказывается вдруг «бедным, из незнатных скифов», что он и сам подтверждает, хвастаясь лишь друзьями.

В нартовском кадаге причина отказа жениху в тещеславии тестя, принадлежавшего какому-то близкому, соседствующему социуму, имеющему, возможно, родственные связи с нартами, в любом случае невраждебному. Они вместе пируют, хотя этническая принадлежность Челахсартага и характер его взаимоотношений с нартами не проясняются.

«Но горд был Челахсартаг, сын Хиза, и не хотел он выдать дочь свою за нарта Сослана». Остается вопрос: за нарта – тогда это зарождение этнического конфликта, или за Сослана на основе личной неприязни или определенных претензий к жениху не хотел гордый Челахсартаг отдавать прекрасную Бедоху? Условная незнатность Сослана, сына Шатаны, ею нерожденного,

в нестратифицированном нартовском обществе не в его благосостоянии, а в том, что есть тайна его рождения, пусть и волшебного – из камня, и его пожизненная стигматизация.

Предваряется нартовская история многолетним характером отношений: «Семь лет сватался Сослан к Бедохе, и семь лет подряд отказывали ему». Для сватовства это неопределенно длительный срок, который мог оказаться губительным для красоты невесты и свежести чувств жениха. Долготерпение последнего тем более поразительное, что проявлял его самый стремительный в своей нетерпеливости из всех нартов, а также просто тоже очень гордый герой. В продолжительности сватовства может быть зашифрована информация о тянущихся много лет сложных отношениях, зашедших в определенный момент в политический тупик. Отказ выдать замуж дочь предводителя может являться вершиной политического айсберга. Иначе чем объяснить политическую близорукость Левканора из рассказа Лукиана, идущего на обострение отношений с теми, кого он, по заверению Токсариды, всегда боялся. И если Левканор «предпочел доблестным людям изобилие скота, ненужно-дорогие кубки и тяжелые повозки», это его стратегия создания альянса с более богатым соседом, но одновременно недооценка опасности вражды с «доблестными людьми».

И Сослан во время состязания, так же как Арсаком, предложил в качестве залога то, чем дорожит сам: шлем, панцирь и меч. «Шлем Бидаса поставлю я, – сказал Сослан. – При вести о битве шлем этот сам взлетает на голову воина, покрывает ее, и воин становится неуязвимым. Но еще в придачу ставлю и мой меч, и мой панцирь Цереков». Оружие обладает амбивалентной семантикой (выше приводилось символизирование скифским мечом смерти), и, несомненно, элементы вооружения можно рассматривать как главных и истинных друзей воина. Сопоставимо сравнивать их с Мекантом и Лохантом, друзьями Арсакома. Именно поэтому часто оружие и доспехи наделены именами собственными, а у Сослана указывается их родословная\происхождение: шлем Бидаса и панцирь Цереков (судя по ранениям друзей Арсакома во время решающей битвы, на них не было шлемов).

Победивший в споре на пиру Сослан был выставлен на посмешище Челахсартагом, отказавшим ему с той же недалекновидностью, что и боспорский Левканор скифскому претенденту.

Публичное осмеяние несомненно с кодексом чести героического воина.

ВОЗМЕЗДИЕ

Тяжесть причиненного оскорбления несовместима с жизнью обидчика, и в обоих сюжетах смерть тестя обставлена с ритуальной жестокостью. Отличаются исполнители – у Лукиана декапитацию совершает Макент, друг Арсакома. Он не только обезглавил Левканора, но и привез его голову жениху, в доказательство того, что он сдержал свое слово. В кадаге «Сослан бросился на Челахсартага. Кинулся Челахсартаг к воротам крепости, и тут настиг его Сослан, ударил его мечом и снес ему полчерепа». Не зря Сослан предлагал свой шлем Челахсартагу, получается, что не защищена была его голова. Однако и здесь жених не является формальным убийцей тестя. В обоих сюжетах смерть наступает не непосредственно от руки жениха, и возникает некоторая дистанция между его действиями и ответственностью за смерть тестя. Удар Сослана намеренно не был смертельным? Или зря гордился он своим мечом? Ведь прославленному герою ничего не стоило бы снести противнику и всю голову. Потом Челахсартагу силами божественной имплантации буквально починяют крышу, накрывая голову медной пластинкой. Медная крышка черепа Челахсартага в решающий момент плавится от жары и приводит к его смерти.

Нельзя игнорировать и то, что в сценах обеих расправ упоминаются теофорные имена. Убийство Левканора происходит в святилище Ареса, а Челахсартаг пытается искать помощи у Курдалагона, бога огня и кузнечного дела.

Побеждают герои не только силой оружия. В обоих сюжетах для достижения цели применяются хитрости, возможно, их следует считать военными. В данном вопросе сходство ограничивается лишь местом в архитектонике и целью – заманивание тестя в сакральное место Макентом и выманивание Челахсартага из укрытия Сосланом.

МОБИЛИЗАЦИЯ АРМИИ

Следующим важным мотивом является собирание армии. У Лукиана детально описывается скифский обычай использования воловьей шкуры, обладающей выраженными магическими свойствами. «Ты легко наберешь воинов; ведь и сам ты человек доблестный, и родственников у нас немало, в особенности, если сядешь на шкуру быка», – напутствуют друзья Арсакома. Так и случилось, возможно, результат даже превзошел ожидания героев, Токсарид приводит точные данные о численности военных подразделений – пять тысяч конников и двадцать тысяч пеших

всадников собралось под знамена скифских дружей. Цифры призваны впечатлить слушающих своей масштабностью.

В эпосе также достаточно подробно рассказано о мобилизации нартов для отмщения обиды, нанесенной Сослану. Но главный акцент делается на всеобщности воинской повинности, количество также известно – пришли в результате все, от мала до велика.

ЭКЗОГАМНЫЙ БРАК

В контексте сложных межэтнических, политических и экономических отношений внешней провокацией их обострения могла стать проблема межличностного характера, которая в эпосе фокусирует на себе основное внимание и становится главным сюжетобразующим элементом.

Объектом сватовства эпических героев часто становятся иноземные невесты, либо знатные, либо имеющие в своей генеалогии легендарных предков, либо наделенные волшебными способностями. Иноземная жена, с перспективы исторической, была почетным военным трофеем захватнического похода, высокородившая невеста становилась дипломатическим императивом, средством политической игры. В эпосе прекрасная незнакомка – собственно первопричина войны, источник конфликтогенности эпического повествовательного пространства.

По мнению Е.М. Мелетинского, «в эпосе дана гиперболическая героизация ортодоксального брака: брак всегда экзогамен» [13: 266]. Причина брачной поездки именно за «далекой» женой может иметь две интерпретации: социологическую и мифологическую. Первая подразумевает установление экзогамии как социальной нормы [13: 107], вторая отражает мифологический сюжет добывания культурных объектов в потустороннем мире, а заодно добывание женщины (жена-колдунья из иного мира).

В случае с номадами скифами экзогамность могла являться нормальной практикой их кочевно-кочевого образа жизни. Кроме Шатаны, биография которой, как известно, началась с двойного чуда волшебного рождения, все персонализированные жены нартов – иноземки. (Хамыц возвращается из похода с женой, может, это не охота, а дипломатический брак после совместного завоевательного похода). Бедоха также не принадлежит нартовскому роду, и она не простолюдинка, она дочь человека, которого достаточно уважительно называют алдаром Хиза и сыном Хиза, и у ее отца есть крепость, что также свидетельствует в пользу его высокого статуса. Но и ей приходится соединить свою

судьбу со смертельным врагом своего отца, как и Мазае. Дочь боспорского правителя Левканора и аланской принцессы Мاستиры также не вольна в своем выборе, в эпосе это позволено лишь воинственным амазонкам. Токсарид умалчивает о чувствах Мазае при встрече с суженым, говоря лишь о потрясенном доставшимся ему счастьем Арсакоме. А Бедоха не вольна и над своей смертью – Сослан возвращает к жизни свою невесту после попытки удушенного самоубийства.

Но и героев тоже можно считать несвободными. «Невольники чести», они должны соответствовать героическому кодексу, во многом определяемому их поведением в сложных ситуациях с потенциальной или действительной женой.

Это так важно, что герою прощается даже измена родным, как, например, величайшему Ахиллесу, Пелееву сыну, в версии Еврипида и у Овидия, готовому жениться на дочери Приама и перейти на сторону троянцев. Между патриотизмом и любовью герой должен пожертвовать первым, подчиняясь рыцарско-героическому императиву.

В эпосе невозможен персонаж, подобный отрекшемуся от жены Авраму. Библейский патриарх дважды из чувства самосохранения назвал Сару сестрой (что не противоречит истине – в их инцестуальном браке он приходился своей жене сводным братом). Первый раз когда они спасались от голода в Египте, а когда египетский фараон взял Сару себе в жены, Авраму благодаря этому «было хорошо: он имел крупный и мелкий скот, ослов, рабов и рабынь, лошаков и верблюдов». И после разрушения Содома и Гоморры Сарра попала к царю Авимелеху в жены. Интересно, что наказание настигает и фараона, и царя, плененных ее красотой, неведение незнание ее статуса не освобождает их от ответственности. А Аврам оба раза материально вознаграждается, в свою очередь и царь Герара дал ему «много рабов, скота и тысячу шекелей серебра, возвратил ему жену и оправдал ее перед всеми, а также позволил свободно жить на его земле». (14: 20).

Дилемма – геройство или осторожность – не знакома эпическим героям, они знают ответ на вопрос «Быть или не быть», но не знают самого вопроса. Осмотрительная прагматичность и опасливая дальновидность не только несвойственны, они непростительны и несовместимы с героическим характером эпического персонажа, чья главная добродетель – воинственная и воинствующая храбрость, поощряется также перерастание его личной проблемы в катаклизм вселенского масштаба, угрожающий жизни всего социума. Так пала Троя. Стоила ли Елена погу-

бленных жизнью, ответ очевиден и вытекает из ее постоянного эпитета «Прекрасная» и из знатности покинутого ею мужа.

В подобной ситуации, когда в роли Менелая оказывается нарт Сослан, мудрая Шатана, призвав на помощь нартам величайшего из героев Батрадза, объясняя причины постигшего народ разорения, говорит: «Ничего худшего ожидать было нельзя. Алдар Хиза похитил жену Сослана». В соответствии с эпической аксиологией, весь народ с предсказуемой готовностью поднимается на защиту чести одного из своих героев. Все как один, потому что этот один такой важный или имплицитно весь социум. Г. Гегель называет героев всемирно-историческими личностями. Собираемость и обобщенность образа героя приравнивают его к социуму/этносу.

Скиф Арсаком считает, что на долю каждого из друзей «пришлось по третьей части бесчестия. Ведь с того времени как мы сошлись вместе, мы живем как один человек, огорчаясь одним и тем же и радуясь одному и тому же». Но у его друзей другая математика, и оскорбление не делится поровну между друзьями или членами социума, а умножается на каждого: «Этого мало, – добавил Лонхат, – каждому из нас обида нанесена полностью тем, что ты перенес».

Типологическая ситуация в каждой мифопоэтической системе требует правильного ее разрешения – мести, наказания виновных, многократно превышающих тяжесть их преступления. Собственно, масштабы потерь не волнуют ни сказителей, ни слушателей и легко оправдываются сказочной красотой виновницы.

Помимо сходных коллизий фабулы можно говорить о совпадении некоторых значимых деталей обоих текстов.

Интересно, что и в рассказе Лукиана, и в кадаге звучит мотив медной пластинки. В приведенном выше эпизоде лечения Челахсартага она служит материалом костно-пластической хирургии. А у Лукиана она фигурирует в качестве материала письма: «Наши предки, говорит Токсарид, написали на медной доске все то, что они претерпели оба вместе (Орест и Пилад) или один за другого, и пожертвовали ее в храм Ореста, издав закон, чтобы началом учения и воспитания детей служила эта доска и заучивание того, что на ней было написано». Совершенно различная сфера применения, однако в нартовских сказаниях медная пластинка вообще упоминается лишь однажды, вернее дважды, и только в данном кадаге. Курдалагон был не врачом, а кузнецом военных доспехов и оружия. Отголосок более архаичного мотива о создании медного шлема?

Похожим образом обстоит дело с сопоставлением упоминаний бычьей шкуры. У Лукиана с ее помощью по скифскому обычаю собирается ополчение. Семантика и символика обряда рассмотрены Л.А. Чибировым и Е.Б. Бессоловой [15]. Сослану шкура быка также помогает, но он использует ее по-другому, он залезает в шкуру выпотрошенного быка [16]. У В.И. Абаева этот эпизод рассматривается параллельно с троянским конем [17:342]. Ж. Дюмезиль рассматривал оба описания использования воловьей шкуры отдельно, им не отмечена прямая связь между нартовским кадагом и диалогом Лукиана [18].

Токсарид рассказывал о том, что «скифы ничего не признают выше дружбы, что ни один скиф ничего не станет так восхвалять, как разделение с другом его трудов и опасностей».

Можно рассмотреть определенные моменты с этой проекции и в кадаге. В кадаге сингуляризация героя, т. к. роль Сослана абсолютизируется, но у него есть безвестные помощники: «На другой день собрал Сослан своих друзей и поехал в крепость Хиза за прекрасной Бедохой, которую обещал ему Челахсартаг».

Образцом высокой самоотверженной дружбы является подвиг безымянного нартовского мальчика, анализируя действия которого Сослан приходит к выводу: «Хорошего друга нашел я себе». Мальчик был ранен стрелой в пятку, а Лохант получает ранение копьем в бедро. В обоих случаях главный герой бросается спасать друга, но Сослан непоследователен в своих действиях, но последователен в своей нетерпеливости. Он тоже мог бы, как Арсаком, разрубить врага надвое, но прикладывать длительные усилия по его спасению не в его характере. Мальчик пал из-за торопливой беззаботности Сослана. Кроме того, и у Арсакома один из друзей погибает в битве, во время счастливой развязки ничего не сказано про Макента.

Интересно, что этот кадаг – единственный из всего нартовского эпоса, где эксплицитно вербализуется тема дружбы, прямо произносится слово «друг» – *æмбал*. Нарты помогают друг другу, но делают это обычно из чувства родственной или племенной солидарности.

Сопоставимо, на наш взгляд, созвучие имен, но только главных героев: нартовский Сосырыко (вариант имени Сослан) и Арсаком, Азаухан (вариант имени красавицы Бедохи) и Мазая у Токсариды, хотя в целом следует признать сопоставление ономастических единиц двух текстов непродуктивным. «Лукиан мог использовать подлинные скифские имена» [1: 44–55], стилизуя рассказ от имени скифа. Так, можно полагать - *т* - в исходе имен друзей указанием на фамильное

имя *Макен-т-æ*, *Лохан-т-æ*. Автор мог использовать также имена реальных персонажей из боспорской истории.

Волею исторических судеб и географии Боспор являлся важным фактором поддержания военно-политической стабильности в причерноморском регионе. Династические боспоро-скифские браки заключались на протяжении истории взаимоотношений этих народов, и рассказ Лукиана отражает переломный для скифов момент, когда боспорцы перестали искать союза с ними. Неспособность или нежелание боспорцев платить дань, которую боспорцы «всегда нам исправно платили, но тогда уже третий месяц как просрочили», отказ в сватовстве знатному скифу, легкость, с которой заключаются альянсы с другими народами, свидетельствуют в пользу изменившегося соотношения сил в скифо-боспорском миропорядке, что отчетливо проступает даже сквозь идеализацию скифов, преломленную через ностальгическое воспоминание эллинизированного скифа Токсариды.

Невозможно установить, сколько стадий эпической обработки мог пройти рассказ, до того как был зафиксирован Лукианом в жанре героико-эпического пересказа истории. А нартовское сказание является результатом преемственного развития сказания об этих же исторических событиях, став волшебной сказкой героического типа, с типичными для этого жанра атрибутами: медная пластинка, бусинка жизни, превращение героя в мертвого.

Именно ввиду разных стадий культурно-исторической трансмиссии, жанрового различия не все параллели, аналогии и совпадения между двумя повествованиями очевидны и могут/должны быть устанавливаемы аналитически.

В народной среде в этом сказании происходило размывание исторического и политического контекста, выхолащивание той информации, которая по мере удаления в пространстве и времени становилась все менее релевантной. Сохранялось ядро героической сказки, в которой теряются исторические и географические привязки. За многовековую историю своего существования этот кадаг мог «пережить» многих врагов, образ врага неоднократно мог изменяться, и следы, ведущие к боспорскому (или иному) противостоянию, могли затеряться в повествовательном пространстве эпоса. Но историческая память о крупной победе обусловила собственно жизнеспособность сказания и его мифотворческий потенциал, по формуле великого Фирдоуси: «Лишь дело героя да речь мудреца / Проходят столетья, не зная конца».

«Скифский эпос лишь оптимистичнее пе-

чальной реальности», по мнению С. Алексеева [2]. Это помогает выполнить эпосу важную задачу любого эпоса: вселять верой в прошлое общезнаменитый оптимизм на будущее, возможно, такой потенциал есть даже у эсхатологических мифосистем.

Рассказ Лукиана обычно квалифицируется как гимн дружбе, непревзойденной другими народами скифской дружбе, и содержит предостережение скептику: «Смотри, почтеннейший, как бы это недоверие не оказалось просто завистью к нам».

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукиан. Собрание сочинений в двух томах. – М.-Л., 1935, т. 1.
2. Алексеев С. Скифы: исчезнувшие владыки степей ...m.litfile.net/read/244491/241000-242000?page=157
3. Тихонов В.А. Боспор Киммерийский V в. до н. э. в диалоге Лукиана «Токсарид или о дружбе» 44–55 <http://litterref.ru/qasrnarnabew.html>
4. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М., 2003.
5. Габуев Т.А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). – Владикавказ, 1999.
6. Гутнов Ф.Х. «Аристократия Алан». – Владикавказ, 1995.
7. Путилов Б.Н. Славянские эпические песни о сватовстве. Этнография – Фольклор и этнография народов мира. – Л., 1970.
8. Веселовский А. Н. Новейшие исследования о французском эпосе. – ЖМПН, 1885.
9. Бромлей Ю.В. История первобытного общества. – М., 1983–1988.
10. Осетинские нарские сказания. – Дзауджикау, 1948.
11. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1963.
12. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М., 1976.
13. Жирмунский В.М. Народный героический эпос: ... – М.-Л., 1962.
14. Книга Бытия. <http://goodastro.ru/knbyt.htm>
15. Чибиров Л.А., Бессолова Е.Б. Об обрядах и обычаях, связанных с бычьей шкурой // *European Social Science Journal*. 2013. С. 300–304.
16. Памятники народного творчества осетин. – Владикавказ, 1927. Ч.II.
17. Абаев В.И. Избранные труды. Религия, фольклор, литература. – Владикавказ. 1990.
18. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология (Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока»). – М., 1976.

FEAST IN TIME OF LOVE

GUTIEVA E.T.

Researcher (gutieva@list.ru).

Abstract. We presume that Lucian's dialogue on friendship and Narts' saga about marriage of Soslan are epic narrations of the same historical events. Supposedly, they date back to the times of Scythian clashes with Bosphorians during the period of Great Scythia. The conclusion about their kinship is based on the analysis of the number and character of their similar motives, while various stages of their epic and cultural transmissions account for their differences.

Keywords: Narts' sagas, *kadæg*, typology of epic wedding, heroic deeds, exogamy, decapitation.

REFERENCES

1. Lukian. Sbranie sochineniy v dvukh tomakh. – M.-L., 1935, t. 1.
2. Alekseev S.-Skify: ischeznuvshie vладыki stepey ...m.litfile.net/read/244491/241000-242000?page=157
3. Tikhonov V.A. Bospor Kimmeriyskiy 5 v. Do n.e. v dialoge Lukiana «Toksarid ili o druzhbe» 44-55 <http://litterref.ru/qasrnarnabew.html>
4. Aleman' A. Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh. – M., 2003.
5. Gabuev T.A. Rannaya istoriya alan (po dannym pis'mennykh istochnikov). – Vladikavkaz. 1999.
6. Gutnov F.Kh. «Aristokratiya Alan». Vladikavkaz. 1995.
7. Putilov B.N. Slavyanskie epicheskie pesni o svatovstve. Etnografiya – Fol'klor i etnografiya narodov mira. L. 1970.
8. Veselovskiy A.N. Noveyshie issledovaniya o frantsuzskom epose.- ZhMPN, 1885.
9. Bromley Yu.V. Istoriya pervobytnogo obshchestva. – M. 1983–1988.
10. Osetinskie nartskie skazaniya. Dzaudzhikau. 1948.
11. Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoy kul'tury. – M., 1963.
12. Meletinskiy E.M. Poetika mifa. M., 1976.
13. Zhirmunskiy V.M. Narodnyy geroicheskiy epос: ... – M.-L., 1962.
14. Kniga Bytiya. <http://goodastro.ru/knbyt.htm>
15. Chibirov L.A., Bessolova E.B. Ob obryadakh i obyчайakh, svyazannykh s bych'yey shkuroy. *European Social Science Journal*. 2013. Str. 300–304
16. Pamyatniki narodnogo tvorchestva osetin. – Vladikavkaz, 1927. Ch.II.
17. Abaev V.I. Izbrannye trudy. Religiya, fol'klor, literatura. – Vladikavkaz. 1990.
18. Dyumezil' Zh. Osetinskiy epос i mifologiya (Seriya «Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka»). – M., 1976